

ХV. БИТВА БОГАТЫРЕЙ

Великий Ван услышал далекий рев медведя. Голод его мучил. До лежбищ кабанов надо было сделать более десяти километров, а потому у него явилось быстрое решение овладеть медведем во что бы то ни стало.

Медведи еще ни разу не служили ему добычей, и тигр знал, что предприятие это рискованно и сопряжено с опасностями самого неожиданного характера. Вкус медвежьего мяса ему был известен, так как ему однажды удалось поймать годовалого медвежонка, случайно отбившегося от матери.

Он помнил, что мясо это мягко, нежно и нисколько не уступает мясу остальных животных тайги.

Взрослых бурых и черных медведей он часто встречал в районе Хамихеры. При встрече с Властелином лесов они вели себя с достоинством, подобающим серьезному, чувствующему свою силу, зверю.

При виде тигра медведь обыкновенно становится на задние ноги, чтобы с высоты своего роста получше рассмотреть страшного хищника, наводящего страх и ужас на все живущее.

Такое положение, на двух ногах, напоминающее человека, производит на тигра некоторое впечатление, и он проникается к соседу своему, неуклюжему Топтыгину, уважением. Кроме того, величина и массивность медведя, обнаруживающие в нем большую силу, импонируют даже тигру.

Но не так был Ван. Чувствуя в себе избыток первобытных сил и стремление претворить их в действие, он мысленно решил вызвать на бой медведя, тем более что неугомонный червь голода делал свое дело и сосал у него под ложечкой.

Призывные крики и стоны медведя приближались. Он шел по косогору, поднимаясь на хребет, где остановился в ожидании Владыки тайги.

Зная чуткость и тонкий слух Мишки, тигр зашел сюда с наветренной стороны и припал к земле, прячась в зарослях за стволом поваленного бурей кедра. Медведь шел по лесу шумно, по временам останавливаясь и прислушиваясь, не отзовется ли где-нибудь прелестная медведица на его страстный призывный голос.

Музыкальными способностями Топтыгин не обладал, иначе он спел бы любовную серенаду, причем гитару мог бы ему заменить любой пень сломанного дерева, с торчащими вверх щепами.

Медведи часто упражняются на этих щепках, оттягивая их и пуская, причем, дрожа и вибрируя, они издают довольно мелодичные звуки. Медведь — музыкант

по призванию, но малоталантлив, недаром же существует у людей поговорка, обидная для нашего добродушного зверя, когда желают подчеркнуть отсутствие слуха у человека, говорят, что ему медведь наступил на ухо.

Тигр, как кошка, хотя и не обладает выдающимися музыкальными способностями, но слух у него отличный, а голосовые средства его довольно богаты. Он может подражать крику любого зверя и пользуется этим в случае надобности с большим искусством.

Услышав любовную песню лесного Дон Жуана, тигр попробовал подражать ему более тонким голосом медведицы, вышло удачно. Медведь взревел и пошел полным ходом на очаровательные звуки томного голоса своей воображаемой возлюбленной.

Ван продолжал кричать, стараясь взять ноту самого нежного страстного тона. Это ему удалось.

Медведь приближался. В ночной тишине ясно слышались его грузные шаги в чаще винограда и лиан. Он шел напролом, с нетерпением ломая заросли.

Ван притаился за толстым стволом кедра и ждал появления зверя, но медведь в самый последний момент, то есть за несколько десятков шагов, остановился, прислушиваясь к звукам леса.

Наступила полная тишина. Оба зверя, разделенные стеною густых зарослей, затаили дыхание и замерли, напрягая все свои пять чувств, в надежде выяснить действительное положение.

Так прошла минута, две и три. Ни один звук не нарушил мертвую тишину зеленой пустыни.

Медведь, изодранный жизненным опытом, знал, что эта зловещая тишина полна опасностей и может грозить гибелью даже ему, лесному богатырю.

Тигр чувствовал, что наступил момент, когда его хитрость бесполезна и исход предприятия зависит от случая и малейшей его оплошности.

Инстинкт и сознание реальной опасности отрезвили медведя. Он понял, что попал впросак, и теперь эта мысль, как молния, озарила его мозг и требовала немедленного решения, дальнейших действий. Каждая секунда дорога. Малейшее промедление грозит смертью.

Тонкие обонятельные нервы его носа уловили признаки определенного запаха страшного хищника. Обычно он не боялся тигров и, встречаясь с ним в тайге, старался быть хладнокровным и равнодушным, но теперь, в тишине ночной, окруженный непроницаемой чащею, зная намерение Владыки гор обмануть его, он понял всю безвыходность своего положения и решил на последнее средство спасения, доступное ему. В мгновение ока Топтыгин повернулся назад и, сделав несколько коротких прыжков, с легкостью кошки взобрался на ближайшую липу, нижние ветки которой позволяли ему удобно на ней расположиться.

По шуму медвежьих шагов и другим звукам тигр догадался о намерениях Мишки и не торопился его догонять.

Выйдя из своей засады, Ван направился медленной и степенной походкой к месту действия и, подойдя к толстому стволу липы, на которой сидел медведь, поднял свою могучую лобастую голову и смерил его долгим испытывающим взглядом.

От этого взгляда у добродушного Мишки побежали мурашки по спине, и шерсть на загривке его встала дыбом.

Вытянув свою морду вперед и собрав в трубочку толстые губы, он выражал свой протест фырканьем и сопеньем, урчал что-то себе под нос и плевался; но, когда тигр встал на дыбы и оперся передними лапами о ствол липы, царапая ее своими когтями, медведь перебрался еще выше и, обламывая сухие ветки, начал бомбардировать ими царя зверей.

Ван окончательно вышел из себя и в гневе за такое непочтение оскалил свои страшные зубы, показав длинные конусообразные клыки длиною в десять сантиметров.

Осажденный на дереве Мишка проделывал какой-то странный танец на толстом суку липы, фыркал и презрительно плевал на своего врага, посылая ему проклятия и называя самыми нелестными именами.

Между тем солнце уже выглянуло из-за гор, и наступил яркий день.

ПERNАТЫЕ обитатели тайги запищали, зачирикали и запели свои обычные стройные песни.

Таежные завсегдатаи всевозможных происшествий и скандалов, сойки и сороки, были тут как тут. Их только здесь и не хватало.

«Так, так, так, — трещала сорока, прыгая с ветки на ветку в вершине липы, приютившей злосчастного медведя. Попался, голубчик, и поделом! Глупость до добра не доведет! Сиди теперь на дереве, как воронье пугало! Очень, очень рада, что судьба справедлива! В прошлом году ты сожрал моих птенчиков, а теперь сам попадешь на обед нашему владыке! Так тебе и надо! Так, так!» Другие кумушки подхватили эти крики и наперебой стали осыпать бедного Мишку бранью и выливать на его голову грязные помои. Благо он был бессилен против них и только злобно посматривал на своих мучительниц своими маленькими глазками и неодобрительно пыхтел.

«Прочь, прочь отсюда, — пропищал скромный поползень, случайно прилетевший на крики соек. — Как не стыдно вам издеваться над добрым черным Мешком! Птенчиков он не трогал, я знаю это хорошо! Она лжет, как всегда...» Но окончить свою речь он не мог: его обступили со всех сторон голубокрылые сойки и заглушили слова его неистовыми истерическими криками и бранью, так что бедный поползень, спасаясь от назойливых кумушек, вспорхнул и улетел на соседнюю березу, откуда молча наблюдал за всей этой кутерьмой.

Между тем Ван, видя, что медведь решил отсиживаться на дереве, походил еще некоторое время вокруг него, а затем удалился и залег в недалеком от него расстojнии, в надежде, что медведь в конце концов сойдет вниз.

Но неугомонные сороки открыли намерение тигра и своими криками указали Мишке на готовящуюся засаду.

Убедясь в бесполезности маневра, Ван вышел из своей засады, бросив взгляд на неугомонных сплетниц, и направился вниз, в ту сторону, откуда пришел медведь.

Некоторое время сороки преследовали его, но затем отстали и возвратились опять к медведю, с целью узнать, что он предпримет дальше.

Освободившись от своих преследователей, тигр круто повернул в сторону, обошел заросли и снова залег на выступе скалы, откуда ему видна была верхушка липы и сидящий на ней медведь.

Сойки и сороки не могли его заметить среди зарослей аралий и актинидий, прикрывавших гранитную верхушку скалы. Он лежал там, притаившись, и зорко наблюдал за всеми движениями медведя.

Долго не решался Топтыгин оставить свою неприступную крепость. Солнце уже высоко стояло в небе и посылало свои горячие лучи на горы и леса, когда медведю, наконец, надоело сидеть без дела на дереве, и он бесшумно спустился вниз. Здесь он огляделся, встал на задние ноги и внимательно стал озираться вокруг, не спрятался ли где-нибудь страшный хищник. Но, не обнаружив ничего подозрительного, Мишка поспешил скрыться в чаще, тихонько пробираясь через заросли. За ним устремились сороки и своими криками выдавали его присутствие.

Топтыгин умоляюще смотрел на них, как бы прося не выдавать его, но это не помогало, тогда он старался отпугнуть их, бросаясь в их сторону и фыркая, но это

еще больше раззадоривало кумушек, и стрекотанье их оглушительно раздавалось под сводами леса.

Из своего наблюдательного пункта Ван прекрасно видел бегство медведя и — бросился ему наперерез, руководствуясь криками сорок.

Забежав вперед, он залег на выступе скалы, мимо которой должен был проходить Топтыгин, и притаился там, скрытый густой сетью винограда и лиан.

Стрекотанье и крики сорок приближались, и хищник изготовился уже для прыжка. Стальные мускулы его напряглись, кончик хвоста шевелился, и глаза горели искристым светом скрытой энергии.

Вот он уже близко. Вот показалась широкая голова и черная грива медведя с торчащими вперед ушами.

Мишка шел медленно, стараясь не шуметь. Постоянно оглядываясь и втягивая воздух, он старался заблаговременно обнаружить врага, присутствие которого чувствовал инстинктивно.

Скала, на которой сидел тигр, была как раз на его пути и возвышалась над зарослями на два метра.

Заметив ее, медведь быстро пошел вперед и остановился у ее подножия, рассчитывая на ее защиту в случае нападения.

На этот раз его тонкое обоняние изменило ему.

Стоя под скалой, медведь несколько раз поднимался на задние лапы и осматривался, но не заметил, что делается на скале.

Когда он последний раз опустился на четыре лапы с намерением продолжать путь, стальные пружинки мускулов тигра развернулись, и грузное тело его обрушилось всею своею тяжестью на спину медведя.

От неожиданности Топтыгин крикнул и припал к земле. Одновременно широкая шея его и затылок захвачены были могучими челюстями и зажаты в мертвые тиски.

Нос медведя и морда его очутились под бархатною лапкой Вана; острые, как хирургические ланцеты, перламутровые когти вонзились в мягкие нежные части переносья; одним коротким движением лапы назад голова медведя была задрана вверх, и клыки хищника все глубже и глубже проникали в шею злосчастного Мишки.

Но медведь не кабан. Одолеть его не так просто; его сила и ловкость были знакомы Вану и он не разжимал своих челюстей до тех пор, пока в медведе теплилась еще искра жизни. Топтыгин сдался не сразу. Он катался по земле, стараясь сбросить с себя страшного ездока; сильными лапами, вооруженными острыми когтями, он наносил тигру глубокие раны в бока и плечи, но ничего не помогало, стальные клещи челюстей сжимались еще сильнее. Медведь чувствовал, что погибает, и его сознание придало ему новые силы отчаяния, он рванулся вперед и понес на себе своего мучителя в надежде, что встречающиеся по пути ветки и стволы деревьев отбросят впившегося в него гигантского клеща.

Но и это последнее средство оказалось негодным; хищник слился с медведем в одно тело и разделить их могла только одна смерть.

Ван также сознавал, что разжать челюсти нельзя, это грозит ему самому печальными последствиями, так как медведь в открытом бою мог бы оказать тигру серьезное сопротивление.

Борьба двух таежных богатырей подходила к концу. Медведь ослабевал, и движения его становились вялыми. Из горла его шла кровь и вырывался хрип, похожий на стоны и жалобный рев.

Тигр также хрипел и тяжело дышал, но не отпускал свою жертву.

После получасового состязания, в котором напряжение сил и энергии достигло своей наивысшей степени, развязка драмы наступила быстро.

Медведь стал дышать все реже и реже, мускулы его потеряли упругость и лапы безжизненно повисли.

Взор его помутился. Могучее тело вытянулось, вздрогнуло и как бы замерло.

Утомленный до полусмерти тигр все же не сразу разжал свои страшные челюсти. Только когда он почувствовал, что в теле медведя прекратилась деятельность сердца и артерии перестали пульсировать, он постепенно разжал свою пасть и несколько раз расправлял ее, открывая и закрывая, так как получасовое напряжение жевательных мышц вызвало судороги и онемение.

Успокоившись и придя в себя, хищник осмотрел свои раны, нанесенные когтями медведя, зализал их, причем от действия его слюны кровь мало-помалу перестала сочиться.

Все поле борьбы вокруг было забрызгано алой кровью; трава, кусты и заросли смяты и поломаны; в некоторых местах земля глубоко взрыта когтями медведя; всюду виднелись клочья окровавленной белой шерсти хищника и черного меха Топтыгина.

Эта битва богатырей произвела потрясающее впечатление на всех обитателей тайги. Кто только мог, убежал подальше в глубину чащи, чтобы не слышать страшных звуков этого побоища.

Вертявые любопытные бурундуки и черные белки забились в свои гнезда, выглядывая оттуда со страхом и трепетом.

Пестрый дятел и черная желна прекратили свою плотничью работу и замерли на сухом суку кедра, прислушиваясь к необычным звукам, нарушающим тишину родного им леса.

«Кажется, повелитель гор и лесов сцепился с Черным Мешком, — сказал дятел, обращаясь к своему родственнику, Красноголовому. — И чего ему нужно? Ведь пищи ему хватает за глаза, мало ли кабанов, коз и изюбрей? А теперь он сам рискует своей шкурой! Я не пойму, чего хочет Ван?»

«Тиу, тиу, — ответил ему красноголовый философ, — ты еще молод и не можешь понять! Наш Повелитель отмечен особым священным знаком и судьба его в руках Всевышнего! Так говорит мой старый приятель, зверолов Тун-Ли. Я ему верю, так как его знал еще мой прадед, умерший сорок лет тому назад. Вчера я добывал вкусных личинок около фанзы старика Тун-Ли и слышал, как он говорил своему работнику, принесшему ему муку из Нингуты, что тигр, пришедший недавно с горы Татудинзы, — сын старого Вана из Кореи. Он пробует здесь свои силы. Все делается так, как решила судьба. Так-то, мой молодой неопытный брат. Поживи с мое и тогда узнаешь многое, что тебе еще и не снилось». Так говорил старый Черный Дятел, умудренный годами и жизненным опытом.

Таежные кумушки, сойки и сороки, также напуганные зловещими звуками смертельной борьбы лесных великанов, с криками разлетелись в разные стороны, скоро во всех уголках бескрайней тайги стало известно о делах Вана и смерти Черного Мешка, старого гималайского медведя, жившего в течение тридцати лет в окрестностях Кокуй-Шаня.

Старые звероловы, не покидавшие своих фанз даже летом, поспешили к древним ночным кумирням, воздвигнутым с незапамятных времен на высоких горных перевалах, и совершали там моления Великому Духу гор и лесов, с возжением благовонных курительных свечей и продолжительным коленопреклонением.

По окончании каждой молитвы мерные удары в чугунный колокол раздавались под сводами дремучих лесов, и металлические звуки эти неслись в вышину, будя далекое горное эхо.

Великий Ван между тем расправлялся с грузной тушей Черного Мешка и, выбирая самые мягкие, нежные части, свежевал его, громко чавкал и прожевывал жирное мясо. Массивные и плотные кости старого таежника дробились и хрустели, как сухарь, в могучих челюстях зверя.

Выев окорока, грудину и часть спины, хищник насытился и с переполненным желудком еле дотащился до ближайшего горного гребня, где улегся под тенью густой аянской ели, вздымавшей свою гордую вершину над мелкой порослью молодых берез и орешников.

Глубокий сон овладевал им. Северный приятный ветерок тянул со стороны угрюмых скал Кокуй-Шаня, навевая чудные волшебные сны на молчаливую тайгу и ее обитателей, дремавших под лучами полуденного солнца. Только неумолчные хоры кузнечиков и цикад нарушали торжественную тишину зеленой пустыни, и едва уловимый шум стоял в неподвижном раскаленном воздухе. Дыхание земли и прозябание растений слышалось в этом шуме.

Это не был гимн торжествующей любви, но скорее шепот дремлющей в истоме бытия природы. Прозрачная глубина сияющего неба, казалось, излучала свет, и яркое солнце пылало огнем, насыщая все атомы материи силами живой энергии и вечного движения.

Далекая вершина Татудинзы, подобно туче, окрашенной в розовато-фиолетовый цвет, вырисовывалась на юге в дымчатой мгле горизонта.

С востока подымались медленно и грозно высокими клубами снежно-белые облака; основания их, ограниченные зубчатою линией лесистых хребтов Лао-Э-Лина, имели свинцово-серый оттенок; в глубине их сверкали далекие зарницы.

Воздух, насыщенный пряными ароматами растений и испарениями нагретой земли, был тяжел и душен. Парило. Тропический проливной дождь должен был разразиться к ночи.

Вечером, когда солнце спряталось в горах и ночные тени легли черными пятнами в тайге и по склонам увалов, казалось, природа ожила, стряхнув с себя дневную дрему. Отовсюду доносились голоса живых существ, заявляющих о своем праве на жизнь. Старая тайга зашумела, и вершины могучих кедров закачались под легким дуновением муссона.

Неистово трещали цикады; болотные совы, как серебряные колокольчики, звенели в глубине болотистых лугов.

Черная таежная ночь окутала землю своим пологом, нижняя сторона которого усеяна была мириадами звезд и прорезана светлым поясом Млечного пути.

Летающие огоньки светляков мелькали на темном фоне гор и лесов и своим зеленоватым блеском придавали всей картине нечто феерическое.

С востока приближалась гроза. Яркие вспышки молнии рвали темноту, и далекий рокот грома звучал непрерывно.

Грозный владыка тайги спал богатырским сном на гребне хребта и не слышал грозного голоса разгневанной стихии.

XVI. В ГАРЕМЕ

Быстро пролетело зеленое жаркое лето. Наступила ясная золотая осень с ее бодрящими ночными морозами, с голубым безоблачным небом. На горы и лес она накинула роскошный ковер ярких цветов и оттенков. Общий зеленый фон тайги пестрел всеми цветами радуги.

Природа, насыщенная избытком сил и энергии и отягченная обилием плодов своих, отдыхала и нежилась в прощальных лучах горячего солнца.

Пришло бабье лето. Тонкие нити золотистой паутины опутали своими сетями кусты и заросли. Воздух, чистый и прозрачный, наполнен был ароматами увядающей листвы и пчелиного меда.

Вспоминая веселую весну, самцы-фазаны кричали по утренним и вечерним зорям в зарослях речных урем, и скромные рябчики выбегали из чащи густых осинников на лесные опушки, подымали свои задорные хохолки и, готовые к драке, затягивали любовные песенки.

Во всю долгую осеннюю ночь, от зари до зари, увлеченные страстью и борьбой за обладание прекрасными самками, красавцы изюбры трубили свои серенады. Звонкие серебристые голоса их раздавались в чистом, прозрачном, как хрусталь, воздухе, и горное эхо вторило этим звукам в далеких падах и ущельях.

На одном из горных перевалов Лао-Э-Лина, под названием Хамалин, в седловине, образуемой горами Кокуй-Шань и Хама-Шань, старый Рогаль изюбр пас свое стадо, состоящее из пяти молодых самок.

Обуреваемый страстью и преследуемый неистовой ревностью, старый Рогаль охранял свое стадо, как султан, не позволяя ни одной прелестнице отойти от гарема даже на несколько шагов. Легкомысленных наложниц своих он понуждал к повиновению силой и, в крайнем случае, ударами рогов. Скромные нежные самки исполняли все его требования беспрекословно, и только старшие позволяли себе некоторые вольности, за что платились очень жестоко, и нередко самец убивал свою возлюбленную за одно подозрение в измене.

Ночь была ясная и тихая. Старый Рогаль ходил вокруг своего сераля дозором и нервно похрапывал, загоня отбившуюся самку на место.

Издали доносились голоса изюбрей. Старый Рогаль прислушивался к этим звукам, злобно рыл передними ногами землю и от времени до времени подымал свою гордую красивую голову и ревел. Белый пар его дыхания вылетал тогда из его горла, и густые басовые ноты его звучного голоса неслись по горам.

Самки мирно паслись на поляне; некоторые лежали, поджав под себя передние ноги, и пережевывали жвачку.

Длинные уши их постоянно двигались взад и вперед, и прекрасные глаза, с темными ресницами, покорно и томно глядели на своего повелителя.

Но вот в ближайшей пади заревел молодой изюбр.

Судя по голосу, это был пятилетний самец, впервые принимавший участие в рыцарских турнирах.

Предполагая, что у молодого кавалера имеется свой гарем наложниц, старый боец Рогаль в свою очередь послал ему надлежащий вызов и ринулся в его сторону, надеясь отбить от него прекрасных самок, увеличив свой собственный сераль.

Молодой самец услышал грубый голос старого Рогалья, остановился и, продолжая трубить, принял боевую позу.

Сзади него из чащи леса выглядывали две любопытные головы наивных молоденьких самок. Молодой кавалер, желая показать перед ними свою красоту и отвагу, гордо смотрел вперед и, напуская на себя храбрость, неистово бил передними копытами мягкую землю.

Старый Рогаль был уверен, что его противник молод и неопытен, а поэтому шел на него смело, без обычных предосторожностей.

Выйдя на поляну, где ожидал его соперник, Рогаль ринулся к нему, опустив голову с огромными остроконечными рогами. Молодой изюбр не струсил и решил принять бой. Но после первого же столкновения, когда ему стало ясно превосходство противника, он только и думал о том, чтобы унести подобру-поздорову ноги, для чего необходимо уловить момент и, парируя удары рогов, выйти из боя целым и невредимым.

Видя перед собой совершенно неопытного бойца и желая поскорее от него избавиться, старик немного подался назад и освободил его рога, подняв голову вверх.

Этим воспользовался молодой изюбр и, сделав боковой прыжок в сторону, скрылся в чаще леса.

Громко фыркая и роя ногами землю для устрашения брошенного гарема, Рогаль приблизился к молодым изюбрицам, стоявшим на опушке и безучастно наблюдавшим за перипетиями боя самцов.

Подойдя вплотную к самкам, старик обнюхал их со всех сторон и ударами рогов заставил идти туда, где остался его сераль. Послушные наложницы нового повелителя, покорно склонив головы, побрели вперед, подгоняемые сзади легким прикосновением острых рогов.

Тем временем, пока старый Рогаль отбивал самок у молодого своего соперника, в его собственном серале произошли события чрезвычайной важности.

Молодой четырехлетний самец-изюбр, влюбленный по уши в одну из одалисок султана, воспользовавшись отсутствием грозного повелителя, ворвался неожиданно в его сераль и угнал даму сердца.

Справедливость требует отметить, что все это произошло не без обоюдного согласия влюбленных, иначе молодой любовник не мог бы так легко овладеть прелестницей.

Такие случаи в жизни изюбрей нередки. Иногда за большим стадом самок, которое гоняет старый бык-изюбр, следует несколько холостяков в надежде воспользоваться своими правами во время отсутствия старого султана.

Присоединив отбитых наложниц к своему гарему, Рогаль сразу же заметил отсутствие одной из своих любимых жен.

Исследовав всю местность вблизи пастбища и убедаясь, что изменница ушла со своим любовником, старый султан пришел в неистовство и ярость.

Избив рогами ни в чем неповинных жен, он пустился на поиски, выслеживая беглецов по оставленным ими следам и руководствуясь своим тонким обонянием.

Влюбленные беглецы не дремали и поспешно уходили из сферы действий грозного султана, причем, когда молодая изюбрица останавливалась, чтобы передохнуть или сорвать аппетитные сочные побеги осины, нетерпеливый Дон Жуан подгонял ее ударами своих тонких четырехконечных рогов.

Наступила темная ночь. Луна еще не всходила. Старый Рогаль, преследуя похитителя своей наложницы, по временам подавал голос, подражая реву молодого самца, чтобы обмануть соперника.

Ему откликались со всех сторон многочисленные голоса, так что в конце концов он потерял настоящий след и решил его бросить, опасаясь за целостность оставленного серала. Слепая страсть, ревность и жажда мести завели его слишком далеко.

Рывкнув несколько раз низким голосом, он собирался уже нестись к своему гарему, как вдруг где-то поблизости ему ответил молодой самец.

XVII. СНОВА ДОМА

Сгорая мстью и желанием поскорее разделаться с соперником, старый Рогаль мчался во весь опор, делая гигантские прыжки через камни и бурелом, и наконец достиг небольшой поляны, посреди которой лежал колоссальный кедр, сваленный бурей. Это был последний прыжок в его жизни.

За кедром притаился Великий Ван. Когда изюбр перемахнул через ствол, Владыка тайги бросился на него из своей засады; ударом лапы сбил его с ног и впился в его затылок зубами.

Участь старого Роголя была решена.

Несколько конвульсивных движений задними ногами, и жизнь отлетела из могучего тела красавца-изюбра, наводившего страх и трепет на самок и молодых самцов, оглашавших окрестную тайгу своими страстными призывными криками.

Владыка тайги, слыша эти крики и зная их значение, решил использовать свой голос и подманить одного из певцов, подражая крику молодого самца.

Расчеты его вполне оправдались, так как старый изюбр, ослепленный ревностью, сразу же попался на эту уловку и стал жертвой безрассудной страсти.

Оттащив тяжелую тушу изюбра в укромное место, под навес ближайших скал, хищник по обыкновению сначала съел лучшие части, то есть задние окорока и часть спины, остальные прикрыл хворостом от посягательств мелких воришек.

После вкусного и сытного обеда, совершив обычный туалет, Ван отправился на покой и улегся неподалеку, под ветвями молодой аянской ели, где толстый слой хвои доставил ему мягкую и теплую постель.

Сон его продолжался около суток.

Вечером следующего дня он проснулся, несколько раз вытянулся на мягкой перине, зевнув во всю свою широкую пасть, и отправился к ближайшему ручью, пробирающемуся по камням, утолить жажду, почистить зубы и прополоскать рот, издававший неприятный запах загнившего мяса.

Подойдя к берегу ручья, тигр застыл в позе внимания, только кончик хвоста его шевелился, непрерывно сгибаясь то в одну, то в другую сторону.

Постояв так несколько секунд, он наклонил свою огромную голову к воде и начал лакать, издавая особое щелканье своим широким шершавым языком. Длинные белые баки его при этом погружались в воду. Долго и с жадностью пил он, утоляя свою жгучую жажду, а затем начал мыть и полоскать свою пасть, погружая всю голову до глаз в холодные, как лед, струи источника.

В тишине лесной раздавалось громкое чавканье и плеск воды. Фыркая и отдуваясь, могучий зверь совершал свой туалет, не обращая никакого внимания на окружающее, поглощенный своим делом.

Приведя в порядок свой меховой костюм и почистив о кору бархатного ствола котги, он отправился к остаткам изюбра, спрятанным накануне под скалами.

Основавательно закусив передними лопатками и массивной шеей старого Роголя, сытый, свежий и бодрый, полный сил и энергии, он побрел по тайге, направляясь в сторону Татудинзы, куда влекли его смутные воспоминания далекого детства.

За этот последний год он возмужал и вырос чуть не вдвое. Массивные конечности его от постоянных упражнений приобрели упругость и крепость закаленной стали. Выпуклые мышцы груди, спины и шеи не уступали формам его отдаленных предков. Рост его превышал размеры его сверстников в полтора раза.

Недаром мудрый Тун-Ли называл его Великим Ваном, Владыкой гор и лесов Шу-Хая.

Звероловы, хунхузы, дровосеки и искатели женьшеня считали его воплощением Горного Духа и строили в честь его кумирни на горных перевалах Лао-Э-Лина.

Изображения его, нарисованные на тонкой бумаге, украшали эти кумирни; перед ними часто жгли благовонные курительные свечи, колокол молитвы гудел под сводами дремучих лесов.

На особых дощечках у этих кумирен одинокие путники читали надписи, гласящие следующее: «Путник! Остановись и зажги свечу молитвы! Если ты чист душою и сердцем, — не бойся и продолжай свой путь. Великий Дух этих гор и лесов охранит тебя от бед и несчастий!»

Обитатели тайги, боясь навлечь на себя гнев Великого Духа, никогда не произносили слово «тигр», но в разговоре старались заменить его местоимением «он», или же называли его «Ван», то есть Начальник, или же «Да-Лао-Цзы», что значит Великий старик.

При встречах с ним во время обхода ловушек звероловы и охотники обыкновенно сходили с тропы, уступая ему дорогу, и становились на колени, шепча про себя молитву, или же стучали палочками по стволу дерева, пока Великий Ван не проследует мимо, не удостоив убогого зверолова даже взглядом. Третья зима наступила для Великого Вана.

Хотя по возрасту он был еще совсем юн, но физически развился настолько, что выглядел вполне взрослым тигром.

К вечеру следующего дня он появился на своей родной Татудинзе.

Обойдя все места, где проводил свое детство и пещеру, где появился на свет, он задался целью отыскать свою мать.

По врожденному инстинкту он чувствовал близкое ее присутствие, но не знал наверное, в какой пещере ее логовище.

Он обыскал все знакомые ему с детства горные трущобы и нашел следы матери, то есть отпечатки ее лап на глинистом грунте болотистой пади, ниспадающей с самой вершины горы. Следы были двухдневные, очевидно, мать где-то недалеко.

Поднявшись по тальвегу распадка до каменных россыпей, Ван легко нашел пещеру, куда перенесла мать его и сестру два с половиной года тому назад.

Подходя к пещере, он почуял знакомый запах и в недоумении остановился: к нему приближалась большая тигрица. Она глухо рычала и готова была броситься на своего сына. Она его не узнавала.

Видя, что мать не узнает его, Ван прилег и покорно пополз к ней, напевая песенку, знакомую ему с детства.

В мозгу тигрицы, как молния, мелькнули давно забытые образы и воспоминания, и она узнала своего сына, Великого Вана.

Они приблизились друг к другу. Сын первый подошел к матери и стал ласкаться к ней, лизать ее голову, глаза, уши и шею. Мать отвечала ему тем же и мурлыкала свою колыбельную песенку, так хорошо знакомую Вану из далекого детства.

В избытке нежных чувств сын лег на спину перед матерью, и она катала его своими лапами, как, бывало, делала это, когда он был еще крошечным тигренком.

На звуки эти из пещеры вышли тигрята. Их было двое.

Не зная, как отнесется к ним ее старший сын, мать встала между ними, готовая к защите, но Ван протянул к ним свою огромную голову, обнюхал их с головы до ног и снова замурлыкал, добродушно улыбаясь и облизывая их своим шершавым языком. Тигрятам было уже около года.

Судя по масти и пушистости меха, отец их принадлежал к породе северных амурских тигров, которые отличаются от корейских и маньчжурских более светлой окраской и длинным густым мехом.

Знакомство Вана с братом и сестрой состоялось.

Обрадованная неожиданной встречей, мать пригласила сына в свою пещеру, расположенную на вершине горы. Там прожили они все вместе до января и устраивали совместные охоты на кабанов и изюбрей, причем молодые учились у старших этому искусству, принимая участие в качестве загонщиков на облавах.

Ван с матерью обыкновенно обходили стадо свиней и залегали на пути их хода, а тигрята гнали добычу на них.

С изюбрами они поступали иначе и старались сообща взять его «котлом», то есть окружали его со всех сторон и сходились, причем изюбр вскакивал и спасался бегством, но наткался на засаду и попадал в лапы хищников.

ХVIII. ЗВЕРИНЫЕ НОЧИ

Зима перевалила уже за вторую половину. Морозы усилились. На высоких горах выпали глубокие снега, и пещера на вершине Татудинзы не могла служить более убежищем для семьи гигантских кошек. Старая тигрица увела своих детей к подножию горы, в дубняки и орешники южных склонов хребта, где на ярких и светлых солнпеках бродили многочисленные стада кабанов.

Ван остался в пещере. Ему не страшны были морозы и снежные бури. Его могучее тело, закаленное в ледяных струях горных каскадов и источников, обвеянное суровыми полярными ветрами, было насыщено горячей кровью и большим количеством теплой энергии.

В самые сильные морозы, в лунные январские ночи, он любил бродить по горным хребтам и перевалам, засыпанном снегом. Когда подымался буран и ледяной ветер неистово ревел в каменных россыпях и скалистых выступах гор, он катался в сугробах, и горячий, насыщенный электричеством мех его искрился, излучая скрытую энергию.

Голос его, подобно голосу бури, раздавался тогда в горной пустыне, рокотал над темными лесами и замирал в далеких ущельях многократным эхом.

Наступало тревожное время любви и тайных свиданий у всей породы семейств кошачьих. Ван, достигший трехлетнего возраста, не был чужд этих стремлений, и голос всемогущей природы заговорил в нем с неудержимой силой.

Все чаще и чаще в таежные ночи стали раздаваться голоса тигров. Это ревели самцы, звавшие самок на свидание. Нередко к одной самке сходилась несколько самцов, тогда между ними возникали недоразумения и споры за первенство, оканчивавшиеся драками. Само собой разумеется, сильнейший получал пальму первенства и изгонял слабейших соперников. Эти последние, озлобленные и неудовлетворенные, бродили по тайге, в свою очередь при случае прогоняли более слабых.

По поверью старых таежников, в это время тигры становятся злыми и кровожадными и разрывают всякое животное, попавшееся им на пути, не исключая и человека; поэтому в течение недели, когда раздраженность и страсть хищников достигает своего апогея, звероловы, охотники и другие обитатели лесов избегают выходить из своих фанз по вечерам и ночью и сидят в своих убогих шалашах, дрожа от страха, прислушиваясь к грозному рыканию страшных зверей. Случается иногда, что разъяренные хищники врываются в фанзы и умерщвляют всех, живущих там.

Это тревожное время, совпадающее с серединой января, называется в тайге «черной неделей». Страшные ночи, когда властвует в лесах зверь и трепещет все живое, называются «Звериными ночами».

Великий Ван, ощутив в себе непреодолимую потребность любви, послушный великому призыву природы, спустился с ледяных высот Татудинзы. Могучий рев его, раздавшийся в одну из январских ночей у подножия горы, привел в ужас и трепет всех четвероногих и двуногих обитателей лесов.

Подобно отдаленным раскатам грома, он пронесся над гребнями гор и замер вдали.

Тайга притихла и прислушивалась к этим звукам, затаив дыхание и не смея шевельнуться.

«Вставай скорее Хо-Син, — произнес старый Тун-Ли, дергая за плечо своего работника, спавшего рядом с ним в фанзе, — слышишь, настали «Звериные ночи». Зажги огонь и подопрь дверь колом! Да поворачивайся живее, а то как раз явится сюда Великий Ван и тогда ты не увидишь больше дневного света, так как отправишься в страну теней к своим предкам. Я слышу его голос! Вот он!»

Действительно, в это время послышались отдаленные раскаты грома, а затем, спускаясь ниже и усиливаясь, достигли оглушительного диапазона. Сила звука была настолько велика, что в фанзе задрожали окна, и бумага, наклеенная на переплеты рамы, пришла в движение.

В звуках этого голоса есть что-то стихийное и необъяснимое. Казалось, что он исходил не из груди животного, а из недр этих каменных громад, из груди матери-земли. Поэтому неудивительно, если все живые существа, услышав эти звуки, падают ниц и лишаются способностей самостоятельности и обороны.

Даже тигры-самцы при первых звуках голоса Вана смолкают и удаляются в чашу, стараясь не попадаться на глаза Повелителю.

Самки же, наоборот, стремятся к нему, стараясь заслужить его благосклонность и внимание.

По словам таежников, к Вану сходятся все тигрицы ближайших окрестностей, которые услышат его голос, иногда за десять и даже двадцать километров.

Из них Владыка тайги выбирает себе одну в качестве подруги, остальные расходятся по своим районам и продолжают вести обычный образ жизни.

Подруга Вана всюду следует за своим господином, пока не почувствует себя матерью; тогда она покидает его и ищет себе берлогу для вывода детей.

Известив обитателей гор и лесов о своем приходе, грозный Владыка тайги вышел на узкий гребень хребта и встал на выступе скалы, над широкой долиной Хай-Лин-Хэ, простиравшейся у ног его.

Проревев еще несколько раз, он затих и стал слушать. Ни один звук не нарушал тишину этой ночи.

Даже угрюмый филин, сидящий на вершине сухого кедра, замолк, вперив свои светящиеся глаза в темную могучую фигуру зверя, обрисовывающуюся на фоне искрящихся снегов. Она была неподвижна, как изваяние, и только конец хвоста извивался, выдавая волновавшие его чувства.

Не прошло и получаса, как из темной чащи вынырнула тигрица и направилась к своему Повелителю.

Не доходя до него шагов десять, она припала на снег, положила свою красивую голову на вытянутые передние лапы и стала ждать.

Круглые большие глаза ее с желтыми ободками обращены были на Вана, в них светилась страсть и любовь, кончик хвоста ее шевелился, обнаруживая ее душевное волнение.

Великий Ван не шелохнулся, только конец хвоста его нервно вздрагивал и, как маятник, отбивал мерные удары.

По следам тигрицы пришли еще две, старая и молодая, едва вышедшая из детского возраста.

Увидя их, первая тигрица быстро встала и с угрожающим ворчаньем двинулась им навстречу.

Все три соперницы сошлись вместе, между ними началось состязание, заключавшееся в том, что, сидя друг против друга, они наносили удары лапами по бокам и по шее, причем летели клочки шерсти, но кровь не показывалась. Самая младшая стояла в стороне, попробовав на себе удар бархатной лапки старушки.

Услышав около себя мяуканье и визг прекрасных дам, могучий Ван рывкнул в последний раз, и звуки эти, вибрируя на низкой ноте, понеслись вдаль, постепенно замирая в неподвижном морозном воздухе.

Он оглянулся и увидел трех соискательниц его сердца.

Не спеша, с подобающим ему величием, царь тайги подошел к дерущимся, но те, по-видимому, не обратили на него внимания и продолжали угощать друг друга полновесными пощечинами; тогда, обиженный и недовольный, он приблизился к

молоденькой тигрице, скромно сидящей в стороне, обнюхал ее смущенную морду, с глупыми наивными глазами, лизнул в нос и пригласил следовать за собою.

Спорящие о первенстве старушки так и остались ни с чем. Долго еще не могли успокоиться и грозно рычали друг на друга, даже тогда, когда Ван удалился со своей избранницей.

Но убедаясь, что все потеряно, они помирились и, как ни в чем не бывало, отправились вместе искать утешения туда, «где оскорбленному есть чувству уголок».

Ван увел свою подругу в заоблачные края, на вершину Татудинзы, где новобрачные могли спокойно провести свой медовый месяц совершенно одни, без посторонних любопытных глаз, на лоне суровых каменных громад. Любовные песни пела им дряхлая дремучая тайга, и снежный буран засыпал их следы во время свадебных путешествий. Ни одно живое существо не осмелилось показаться на горе, выше границы лесов, где чета могучих зверей предавалась утехам первой животворящей любви.

ХІХ. ЛЕСНЫЕ КУМУШКИ

На следующий день, едва только яркое зимнее солнце осветило вершины гор, в дубняках, у самых кабаньих лежищ, собралось многочисленное общество таежных кумушек.

Визгливые, пронзительные голоса их трещали, как пулеметная дробь, в неподвижном морозном воздухе, нарушая тишину и спокойствие пустыни.

Больше всех суетились и надрывались сороки, эти лесные всезнайки; их ближайшие родственницы, рыжеперые сойки, старались от них не отставать, а вертлявые синички-непоседы чирикали всякую чушь, так что у старого седоголового дятла заболела голова.

«Слышали, сестрицы, новость, — трещала сорока, подсаживаясь к сойке, — у нас в лесу творится что-то невозможное! Не успел умереть старый почтенный Ван, как его подруга, Полосатая Дылда, повсюду таскается за двоюродным братом, Рыбым Чулком, леопардом из Хайлинской пади! Нечего сказать, хороший пример для молодых тигриц! Просто стыд и срам, да и только!»

«Так, так, так! Но это уже старо, милочка! — перебила ее подруга, потерявшая свой хвост за свою откровенность. — А вот я вам расскажу новость, так все вы хвосты повесите от зависти! Слушайте! Наш Великий Ван выбрал себе подругу! И кого бы вы думали! Корейскую тигрицу? Ничуть не бывало! Самую простую Чалую Старуху с Амура! Она даже не похожа на тигрицу! Странно! Не мог разве выбрать себе достойную среди наших тигриц! К тому же она еще хромяя и кособокая! Одним словом, красавица хоть куда!»

«Нет, нет! Это неправда, — возразила ей Рыжая сойка, — я сама видела ее на днях и нахожу, что она ничуть не хуже корейских тигриц! И, пожалуй, даже красивее в своем светлом пушистом наряде!»

«Ци-ви! Ци-ви! — пропищала синичка-московка, прыгая с ветки на ветку. — Это еще ничего, а вот почему красная волчиха часто ходит по ночам к фанзе Тун-Ли?»

«Я видела ее как-то утром, она любезничала с серым кобелем и назначала ему свидание у речки! А я-то хлопотала и наводила на нее Красного волка из-за Химихеры! Вот вам благодарность! Нет справедливости на свете!»

Так тараторили и перемывали косточки всем обывателям лесные кумушки. Азарт их дошел до того, что они передрались и подняли такой шум, от которого проснулся старый кабан, лежавший вблизи под дубом. Долго он терпел, слушая

тажные сплетни и пересуды; морщился, хлопая своими ушами, наконец встал и поднял свой пяточок кверху, оглядывая всю теплую компанию маленькими подслеповатыми глазками.

«Да будет вам тут кричать и судачить! — обратился к кумушкам. — Не надоело вам еще это дело! Лучше занялись бы своими делами, а не чужими!» Тут вся ватага пернатых сообща бросилась на кабана и стала осыпать его бранью и ругательствами. Досталось не только ему самому, но и всем его родственникам, ближайшим и дальним.

Бедный кабан, оглушенный гамом и криками, затряс головой, зафыркал и пустился наутек, преследуемый неистовым смехом кумушек.

«Так тебе и надо, поделом, — кричала ему вслед бесхвостая сорока, — не суйся не в свое дело и свой пяточок береги для копанья земли! Ишь, нашелся праведник!»

«Иди, иди, пока тебя не слопал Ван! Ах ты глупое «Рваное ухо», подожди, тебе не только уши, но и ноги оборвут за твое заступничество!»

Так провожали кумушки почтенного старого кабана, которого в тайге называли «Рваным ухом», потому что в молодости он едва не погиб в когтях тигра и отделался только рваными ушами. Это был старый инвалид, израненный зубами и когтями хищников и пулями охотников. На толстой шкуре виднелись многочисленные шрамы и раны, полученные в боях и стычках. Густая щетина на хребте его и на голове белела сединой. Правый клык был сломан, а левый пожелтел и согнулся в дугу. Огромные копыта его давали след, не уступающий бычачьему.

Медленно продвигаясь по солнпеку, взрывая землю длинным рылом в поисках желудей, похрюкивая и помахивая остатком короткого хвоста, он думал свою кабанью думу.

Он сравнивал кумушек с людьми и находил между ними большое сходство. Насчет умственных способностей двуногих он был особого, невысокого мнения, так как не раз имел случай убедиться в глупости, недогадливости и физической слабости человека, именующего себя «царем природы». «Хорош царь, которого наш Ван может слопать в один присест! — размышлял старый ветеран, прожевывая вкусные желуды, — а уж про нравственность этого «царя» и говорить не приходится!»

Долго еще ворчал про себя старый кабан и брюзжал на весь свет, пока не набил себе желудок жирными желудями. Сон стал одолевать его, и он отправился на свою лежку под старым, как и он сам, дубом.

Лесные кумушки, перебив косточки всем своим знакомым, дальним и ближним родственникам, разлетелись в разные стороны, по лесам, с готовыми новостями и достоверными сведениями.

Миновали страшные «звериные ночи». Тайга успокоилась и зажила своею обыденной и будничной жизнью.

Ван со своею подругой спустился с высот Татудинзы, тощий и голодный. Молодая тигрица также сильно проголодалась.

Да! Одною любовью сыт не будешь.

XX. ПЕРВОЕ ГОРЕ

Выйдя на тропу, протоптанную тиграми по гребню горного хребта, тигрица направилась по ней в надежде высмотреть по склонам пасущихся кабанов. Ван следовал за ней неотступно, повинувшись чувству привязанности, свойственному самцам. Тигрица же помышляла уже о том, чтобы уединиться и уйти от своего

повелителя. Чувство голода было сильнее всех других побуждений и овладело ею всецело.

Ван шел за своею подругой, понуря голову, и думал также о том, что недурно бы плотно закусить.

Вдруг слух его был поражен каким-то оглушительным шумом, как будто грянул гром; неподвижный морозный воздух содрогнулся, и дремавшая тайга ахнула. Столб снежной пыли взвился кверху и засыпал лежавшую вдоль тропы тигрицу.

Владыка тайги, находившийся от нее в десяти шагах сзади, присел от неожиданности и первое мгновение никак не мог сообразить, что произошло.

Когда улегли снег и звуки замерли в лесной чаще, он подошел к месту взрыва. Печальная картина предстала перед его удивленными глазами.

Молодая тигрица лежала бездыханная на тропе. Пушистая пелена снега покрывала роскошный светло-желтый мех. Сквозь белую пелену просачивалась темная горячая кровь и стекала тонкой струйкой под левую лопатку. Зверь лежал на правом боку, голова и ноги были вытянуты. Пушистый хвост натянулся, как струна, и застыл. Смерть наступила моментально.

Не зная, в чем дело, Ван старался лапами поднять неподвижное тело своей возлюбленной, но оно было безжизненно и как мешок падало на снег, окрашенный кровью. На боку тигрицы зияла черная глубокая рана с рваными краями.

Сделав еще несколько попыток поднять на ноги свою подругу, Ван понял, что это напрасно; он почувствовал около себя смерть, и в мозгу его созрели решения, основанные на требованиях и законах первобытного мира и зовах отдаленных предков. Дикий ум его помутился, вся психика его перевернулась, в глазах, дотоле спокойных и безмятежных, блеснул огонь кипучей злобы и бешенства. Он взвился на дыбы во весь свой гигантский рост и заревел. Рев этот был голосом отчаяния и горя. Он гремел под сводами дремучего леса и, казалось, потрясал основы гор и застывшую землю.

Все живое в тайге притаилось и ожидало событий. Затаив непримиримую месть в сердце, Ван подошел к телу своей мертвой подруги и лег рядом с ней, положив на ее холодеющую грудь свою прекрасную могучую голову.

Он думал о причинах смерти своей подруги и догадывался, что виновником является человек с его хитрыми выдумками и орудиями, о которых он уже имел представление во время своих прежних охотничьих экскурсий в районе звероловных фанз.

Тигрица была убита заряженным стволом, настроженным звероловом Ли-Саном на тропе, где имеют обыкновение ходить тигры. Заряженный пулями и кусками железа, ружейный ствол привязывается к особой скамейке, на высоте груди зверя, в трех шагах от тропы; поперек тропы протягивается тонкая проволока, задевая за которую зверь произвольно производит выстрел посредством устройства особого запала у ружейной заправки.

Ствол маскируется ветками, а тонкая проволока во время мороза покрывается инеем и становится невидимой. Чтобы не наткнулся на нее человек, по обеим сторонам ее у тропы делаются особые заметки и значки на стволах деревьев.

Тигр не знал этой лесной грамоты и не предупредил подругу о грозящей опасности.

Лишь только солнце осветило вершину Татудинзы своими розовыми лучами и в тайге исчезли ночные тени, заботливый зверолов Ли-Сан с кошелкою за плечами, вооруженный длинной палкой, вышел из своей фанзы и направился бегом по тропинкам проверять свои ловушки.

Много всякого зверя добыл уже за эту зиму Ли-Сан, и дорогого соболя, и колонка, и белку, но ни разу еще не посчастливилось ему добыть тигра, Лао-Ху, за которого можно взять в Нингуте не менее тысячи даянов.

Заметив, что тигры часто посещают его район и проложили даже тропу по хребтам и увалам, он поставил на одном из хребтов заряженный ствол, предварительно заговорив его у знакомого старика-знахаря, чтобы пуля положила зверя на месте.

Бодро шагал Ли-Сан по тропе, взбираясь на хребет, где стоял его заряженный ствол. Он знал хорошо, что хищники бодрствуют только ночью, а потому смело и уверенно шел вперед к своей цели, в надежде увидеть на тропе хоть свежий след тигра.

Поднявшись на перевал хребта и постояв немного у кумиренки, врезанной в ствол старого кедра, он направился по старым следам тигров к тому месту, где недавно прикрепил свой надежный ствол.

Солнце поднялось уже высоко. В тайге стояла тишина, и только дятлы постукивали по стволам деревьев, да попискивали рябчики.

Пригретая зимним солнцем, серая белка выскочила из своего дупла и, сев на задние лапки, уставилась с любопытством на согнутую фигуру зверолова, шагающего внизу под кедрами.

До ствола оставалось шагов сто, не более, Ли-Сан остановился и стал прислушиваться. Тихо было в тайге. Пройдя еще шагов пятьдесят, зверолов встал за выступом скалы и бросил нетерпеливый взгляд вперед. Отсюда ему хорошо было видно место, где спрятан был ружейный ствол. Он всматривался в чащу и ясно разглядел красновато-бурое тело тигра, распростертое на тропе. Радости его не было границ. Он увидел добытого зверя и представил себе тысячу даянов, взятых за его тушу.

Не рассуждая более и без необходимых предосторожностей, кинулся он вперед к своей добыче и остановился как вкопанный, не дойдя до нее двадцати шагов.

Поглощенный горем и обуреваемый жаждой мести, Великий Ван лежал недвижимый около своей мертвой подруги.

Но вот в тишине тайги он слышит чьи-то торопливые шаги по скрипучему снегу. Это не четвероногий зверь, а двуногий. Шаги приближаются. Слышнее! Слышнее!.. Сама судьба посылает ему на расправу виновника его неутешного горя!

Вот он сам стоит перед ним, согнувшись под ношей своей кошелки, вперив безумный, полный ужаса и страха взор в грозные, сузившиеся зрачки Владыки гор и лесов.

Ван поднялся и продолжал гипнотизировать своим уничтожающим взглядом человека, потерявшего волю, инстинкт сохранения жизни и даже самый рассудок.

Человек и зверь стояли друг против друга и состязались силою своих взглядов. Но человек оказался слабее и уступил зверю. Ли-Сан опустил глаза; сознание его померкло, тело, как мешок, упало на снег; кошелка покатила в сторону.

Видя перед собой живой труп, неспособный не только к активной борьбе, но и к малейшему сопротивлению, тигр подошел к нему, перевернул его лапой лицом вверх, обнюхал и, отойдя в сторону, прилег, положив голову на лапы.

Глаза его не отрывались от человека. Он ожидал борьбы и боя насмерть, но надежда его не оправдалась.

Великий Ван трупов не трогает, поэтому он будет ждать, когда проснется человек, чтобы вступить с ним в бой.

Придя немного в себя, Ли-Сан пошевелился и поднял руку к глазам.

Этого было достаточно. Тигр взревел и бросился на него, придавив его своею двадцатипудовою тушей. Затем, схватив его поперек тела в пасть, подбросил вверх, как кошка мышь, и, поймав на лету, подбросил еще выше.

Тощее тело зверолова после этих полетов рухнуло в снег и осталось недвижимо, одно только дыхание и сокращение мускулов грудной клетки обнаруживало жизнь.

Заметив, что жизнь еще теплится в слабом теле, хищник подошел к нему, взял его обнаженную голову в свою пасть и сжал челюсти. Послышался хруст ломаемых костей черепа и протяжный стон человека.

Алая кровь окрасила белую пелену снега и стекала темными струйками из глубоких отверстий, оставленных клыками хищника на бритой голове зверолова.

Жизнь легко оставила это сухое и дряблое тело, так как ей не за что было держаться.

Месть хищника была удовлетворена. Почувствовав, что жизни нет в теле двуногого, Ван ощущал его всего своими зубами и убедился, что оно еще может утолить его голод, но для этого необходимо было его раздеть.

Операцию эту выполнить было не так легко, и Вану пришлось повозиться, срывая зубами и когтями плотную, подшитую ватой, одежду. Покончив с этим делом и разорвав в мелкие клочья ватную кофту и штаны, хищник принялся свежевать бледное, желтоватое, с синими жилками, тело человека. Кости хрустели, как соломинки, на могучих зубах хищника. В полчаса от человека не осталось ничего, он весь, со всеми требухами, вошел в объемистый желудок зверя, хотя снаружи этого не было заметно.

Лесные кумушки, конечно, не преминули прилететь на этот таежный обряд погребения и без умолку трещали, летая над лесом, прыгая по снегу и собирая ничтожные остатки кровавой трапезы.

Удовлетворив свою месть и свирепый голод, Ван вспомнил о подруге и, подойдя к ней, хотел опять поставить ее на ноги, но застывшее тело отказалось повиноваться и было твердо, как дерево.

Обнюхав его в последний раз и лизнув своим горячим языком мертвый остеклевший глаз, тигр забросал свою подругу сыпучим сухим снегом и, медленно шагая по тропе вверх хребта, удалился в глубину тайги. Неугомонные лесные кумушки до самого вечера не могли успокоиться, и долго еще слышались их крики на гребне хребта, где остались кровавые следы лесной драмы и невысокий сугроб снега над телом убитой тигрицы.

Товарищ погибшего зверолова, молодой Фу-Тай, долго ожидал его возвращения и, не дождавшись, ушел в Нингуту, сообщить родным и знакомым с целью организовать поиски, так как ввиду появления в окрестностях Великого Вана решиться на это дело одному было чрезвычайно рискованно.

Только в конце зимы, когда снег уже стаял на солнопеках, родные Ли-Сана нашли клочки его одежды и труп убитой тигрицы на одном из горных отрогов Татудинзы.

Насыпав на этом месте кучу камней и совершив курение благовонных свечей, они вернулись домой в Нингуту, построив там кумирню в честь Великого Горного Духа.

Альманах «Рубеж», 1992.

